DOI 10.15826/izv2.2019.21.2.037
УДК 811.161.1'282.2(470.1/.2) +
+ 81'373.614 + 81:39

О. Д. Сурикова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

АРХАИЧНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В «ПРИЧИТАНИЯХ СЕВЕРНОГО КРАЯ» Е. В. БАРСОВА*

Важной и до сих пор не решенной проблемой современной лингвофольклористики является недостаточная обработанность лексического материала, представленного в «Причитаниях Северного края», собранных Е. В. Барсовым. Многие слова, встречающиеся в этом сборнике, не фиксируются в диалектных словарях, а значит, не попадают в поле зрения диалектологов, этимологов и этнолингвистов. Такие лексемы, способные считаться архаичными уже по причине исчезновения из свободного речевого употребления по крайней мере ко второй половине XIX в., часто позволяют «выйти» на стоящие за ними обрядовые действия, реализуют архаичные семантические модели, отражают древние метафоры, воплощают особенности архаичного мышления и, безусловно, нуждаются в интерпретации. Настоящая статья является продолжением работы автора по анализу отдельных лексических фактов, встречающихся в «Причитаниях Северного края» и особенно интересных с точки зрения семантики, мотивации, а также словообразования и лингвогеографии. В ней исследуется социальная лексика — некоторые термины родства (*племятки* ‘племянники’, *нешутка* ‘сноха; невестка’) и половозрастные номинации (*благоденец* ‘младенец’), наименования участников и элементов свадебного обряда (*россказ* ‘старший (большой) сват’, *стережатый*, *бережатый* ‘свадебный колдун, охраняющий свадебную процессию от порчи’, *перезовнички* ‘мужчины — родственники невесты’, *правоплечничка* ‘подруга невесты, сидящая во время свадьбы справа от нее’, *верстать* ‘отдавать замуж; женить’, *кайётная неделька* ‘период после свадьбы, когда молодые разочаровываются друг в друге и «каются»’), характеризующие обозначения людей, в том числе эпитеты (*нечехушка* ‘неряха, неумеха’, *задумный* ‘задушевный, заветный’).

Ключевые слова: севернорусские причитания; «Причитания Северного края» Е. В. Барсова; архаичная лексика; социальная лексика; свадебный обряд; лингвофольклористика; диалектология; семантико-мотивационная реконструкция; этимология.

Цитирование: Сурикова О. Д. Архаичная социальная лексика в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2: Гуманитар. науки. 2019. Т. 21. № 2 (187). С. 227–240.

Поступила в редакцию 09.07.2018
Принята к печати 18.04.2019

* Авторская работа выполнена при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

Olesya D. Surikova

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

ARCHAIC SOCIAL VOCABULARY IN *NORTHERN LAMENTATIONS* BY E. V. BARSOV

This article focuses on the understudied issue connected with the analysis and processing of the vocabulary of *Northern Lamentations* gathered by E. V. Barsov, which remains an important problem of modern linguistics and folklore studies. Many words present in this collection cannot be found in dialect dictionaries and therefore are not studied by dialectologists, etymologists or ethnolinguists. Such lexemes which could be considered archaic because of their disappearance from speech as early as the second half of the nineteenth century, frequently reflect rituals underlying them and archaic semantic models, ancient myths, and peculiarities of archaic thinking and, of course, need to be interpreted. In this article, the author continues the analysis of some lexemes from *Northern Lamentations*, particularly interesting from the point of view of semantics, motivation, word formation, and linguistic geography. The article refers to social vocabulary, i.e. some kinship terms (*племянники* 'nephews', *нешутка* 'a daughter-in-law'), terms denoting age and gender (*благоденец* 'an infant'), names of people and objects making part of the wedding ritual (*россказ* 'a great matchmaker', *стережатый*, *бережатый* 'a wedding sorcerer, guarding the wedding ceremony from evil curse', *перезовнички* 'male relatives of the bride', *правоплечничка* 'the bride's female friend sitting on her right during the wedding', *верстать* 'to marry, to wed', *кайётная неделька* 'a period after the wedding when the newlyweds get disappointed with each other and repent'), characteristics of people, including epithets (*нечехушка* 'a slattern, a bungler', *задумный* 'intimate, cherished').

Key words: Northern Russian lamentations; *Northern Lamentations* by E. V. Barsov; archaic vocabulary; social vocabulary; wedding ceremony; folklore linguistics; dialectology; semantic and motivational reconstruction; etymology.

Acknowledgements

The work was supported by the *Russian Science Foundation* (project 17-18-01373 "Slavic Archaic Zones in European Space: Ethnolinguistic Studies").

Citation: Surikova, O. D. (2019). Arkhaichnaia sotsial'naia leksika v "Prichitaniiakh Severnogo kraia" E. V. Barsova [Archaic Social Vocabulary in *Northern Lamentations* by E. V. Barsov]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 21, 2 (187), 227–240.

Submitted on 09 July, 2018

Accepted on 18 April, 2019

Широко известно, что «Причитания Северного края», записанные Е. В. Барсовым во второй половине XIX в. в Олонецкой губернии преимущественно от одной информантки — И. А. Федосовой, содержат огромное количество диалектной лексики, в том числе специфичной для Русского Севера, и в частности

для Заонежья. Существует давняя и богатая традиция изучения текстов, опубликованных в этом сборнике, с позиций лингвофольклористики¹, однако до сих пор не решен вопрос собственно лингвистической обработки и атрибуции многих слов, встречающихся в плачах. Так, С. М. Толстая обратила внимание, что в «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» многие слова, зафиксированные у Барсова, отсутствуют, а «значительная часть (несколько сот слов) русской диалектной лексики в “Словаре русских народных говоров” документируется исключительно олонецкими материалами Е. В. Барсова» [Толстая, 2012, с. 465]; более того, ряд фактов из «Причитаний Северного края» вообще не учтен составителями «Словаря русских народных говоров» [СРНГ]. До сих пор не написано масштабных и обобщающих лингвистических работ, посвященных семантико-мотивационной и этимологической реконструкции, а также картографированию этих слов и установлению их языкового статуса (являются ли они собственно фольклорными или функционируют вне текстов причитаний; принадлежат ли они к заонежскому диалекту / условно «центральнокарельскому» языковому ареалу или распространены шире; употребляются ли они вне идиолекта И. А. Федосовой; и т. д.). Необходимость в деятельности такого рода назрела давно — мимо исследователей проходит интереснейший материал, очевидно претендующий на архаичность: барсовские раритеты, позволяющие «выйти» на народные верования и представления, которые они репрезентируют, нередко воплощают древние семантические модели и метафоры, воссоздают особенности архаического сознания и т. п. Посильный учет и интерпретация раритетной архаичной лексики, встречающейся в «Причитаниях Северного края», позволяют не только картографировать экстра- и собственно лингвистические факты, не только получить новые примеры реализации ряда культурных кодов, но и существенно дополнить сведения о специфической картине мира, присущей ламентации — одному из самых древних фольклорных жанров.

Мы уже рассматривали лексику «Причитаний» в указанном ракурсе: см. работу «К изучению архаичной лексики в “Причитаниях Северного края” Е. В. Барсова» [Сурикова], где, кроме подробной постановки проблемы, приведения списков не учтенных в «Словаре русских народных говоров» [СРНГ] и «Словаре русских говоров Карелии и сопредельных областей» [СРГК] слов и реконструкции некоторых интересных лексических фактов, детально рассматриваются семантические диалектизмы — дериваты глагола *пахать* и глагол *отлить*, имеющий в одном из плачей нетривиальное контекстное значение. Настоящая статья не претендует на всеохватность, она призвана продолжить деятельность по «точечному» анализу отдельных лексических фактов, документируемых в сборнике Барсова. В ней хотелось бы остановиться на (широко понимаемой) социальной лексике — некоторых (особенно интересных с точки зрения семантики, мотивации, а также словообразования и лингвогеографии)

¹ Подробную библиографию работ по русским похоронным причитаниям (включая исследования «Причитаний Северного края») составил М. Д. Алексеевский [Библиография работ...].

терминах родства и половозрастных номинациях, наименованиях участников и элементов свадебного обряда, характеризующих обозначениях людей (в том числе эпитетах), которые встречаются в «Причитаниях» и слабо фиксируются (или вовсе не отмечены) в диалектных севернорусских словарях.

Обрядовые плачи сконцентрированы на переходном статусе лиминального субъекта — вдовы, сироты (похоронная причеть), рекрута (воинские плачи), невесты (свадебные причеты), — поэтому описание социальной и семейной структуры в них отличается особой полнотой: плачей по законам жанра должна точно очертить обстоятельства «до» и «после» перехода, упомянув всех участников ситуации и по возможности обозначив их поведение (переживания). Отсюда в текстах причитаний возникают наименования с е м е й н ы х р о л е й — от ближайших, «первого круга» (отец, мать, сын, дочь, братья, сестры и др.), до вполне отдаленных (племянники, невестки, золовки и пр.). Среди множества этих терминов, сам объект номинации которых претендует на статус одного из наиболее архаичных, встречаются следующие.

▪ «*Ты не спащива до братца была милого, / Не желанна до сердечных была племянток!*» [Барсов, т. 1, с. 122]. В «Словаре русских народных говоров» слово документируется только материалами Барсова, ср. *плёмнятко* ‘племянничек’ (сев., Барсов) [СРНГ, вып. 27, с. 109]. Внимание здесь привлекает архаичный суффикс детскости *-am/-ym* (< **-ent*), «заменяющий» в структуре слова типичный для русского общенародного языка и диалектов суффикс лица *-ник*, ср. общенар. *племянник*, диал. шир. распр. *плёмённый*, сев., олон., онеж. *плёмник* и др. ‘племянник’ [Там же], а также у Барсова [т. 1, с. 80, 81]: *племянничек*, жен. *племянничка* (ср. слова с той же структурой в других славянских языках: укр. *племінник*, блр. *пляменнік*, болг. *племенник*, с.-х. *плёменік* ‘родич’, чеш. *plemeník* ‘единоплеменный’, пол. *plemiennik* ‘потомок’ < общеслав. **plemьnikъ* < **plemьnъjъ* (< **plemь*) + суф. **-ik(ъ)* [Черных, т. 2, с. 40]). Слово *племянтко* (вероятно, отсубстантивное, а не отадективное, как *племянник*) сохраняет и старое склонение, присущее славянским образованиям на **-ent*: употребляется в среднем роде, ср. то же для *дитятко* (вообще ср. словообразовательную параллель: *дитятко* < *дитя* так же, как *племянтко* < диал. *племя*, *племень* ‘племянник; родня и др.’ [СРНГ, вып. 27, с. 109]). «Нанизывание» уменьшительно-ласкательных суффиксов (*-ят* + *-к*) объясняется не только возможным выравниванием по аналогии с *дитятко*, но и общей тенденцией языка причитаний (и в частности идиостиля И. А. Федосовой) к обильной диминутивизации: ср. многочисленные образования с суффиксами *-ик/-ек*, *-ец/-иц*, *-очк/-ечк*, *-оньк/-еньк*, *-ышк/-ишк*, *-ушк/-юшк* и др. в сборнике Барсова (*лавочка*, *окошечко*, *братец*, *желаньце*, *рыбонька*, *деревенька*, *озерышко*, *воронишки*, *ветрушки*, *постелюшка* и т. д.).

▪ «*Я у братьцов еще утрось подавалася, / У ветляных нешуток домогалася...*»; «*Как гордливые ветляные нешутушки / Мне-ка с грубости, горящице, сказали...*»; «*И как спащивы ветляны нешуточки / И меня стритили на широкой на улице...*» [Барсов, т. 1, с. 44, 173], где *нешутка*, *нешуточка*, *нешутушка* — ‘сноха; невестка’. В «Словаре русских народных говоров» слово

восстанавливается только из контекстов Барсова [СРНГ, вып. 21, с. 211]; в диалектных словарях по территории Русского Севера не фиксируется. М. Фасмер предполагает, что лексема представляет собой результат сложения *не* и *шутка* и буквально прочитывается как «та, с которой шутки не дозволены» [Фасмер, т. 3, с. 70]. Эта трактовка выглядит несколько натянутой (в плане словообразовательной модели), хотя и допустима, учитывая негативную специфику образа старших снох и невесток, создаваемого в плачах (и внефольклорную реальность): младшая сноха в семье мужа стоит на низшей ступени иерархии и вынуждена подчиняться «старшим» женщинам — не только свекрови, но и женам братьев мужа, терпеть от них обиды и унижения, переживать имущественное бесправие. Однако нам хотелось бы предложить другую версию происхождения слова. Кажется, оно может быть производным от глагола типа влад. *нишуть* ‘молчать, не вымолвить ни слова; не шелохнуться, не двинуться’ [СРНГ, вып. 21, с. 251], который, в свою очередь, связан с диал. *ни́шнуть* ‘молчать, не издавать никакого звука’, арх., влг., з.-брян., яросл. *нишкнуть*, *ничкнуть*, *ничхнуть* ‘то же’ [Там же, с. 248], ср. еще пенз. *нишенуть* ‘замолчать’, оренб. *нишнить* ‘молчать’ [Там же, с. 249]. Все эти глаголы наряду с урал. *ни́чкать* ‘давить, прижимать лицом к земле’, наречием *ни́шкóм* ‘потихоньку, молча, втихомолку, тайком’ (курск., тамб., юж.), ‘унижаясь, униженно; сгибаясь, пригибаясь к земле, книзу’ (пск.), а также существительными типа пенз. *нишнук* ‘молчаливый, застенчивый человек’ [Там же, с. 248, 249] можно непротиворечиво с фонетической и семантической точек зрения возвести к гнезду *ниц*, *никнуть*, *ничком*. Тогда *нешутка* ‘сноха, невестка’ — «та, которая молчит, ведет себя тихо», что вполне соответствует реальному положению жены сына / брата в семье. Возникновение *не-* на месте *ни-* связано, вероятно, с переразложением слова вследствие деэтимологизации, не исключено, что под влиянием слова *невеста*.

Слово *нешутка*, называющее сноху, невестку, благодаря матримониальной ситуации, к которой оно апеллирует, находится на грани двух лексико-тематических сфер — семейной и свадебной терминологии. Обратимся к некоторым наиболее интересным номинациям из последней области, которые встречаются в сборнике причитаний Барсова (преимущественно в свадебных плачах, а среди похоронных — нередко в так называемых плачах невесты-сироты).

▪ «Как ко нашему крыльцу да ко перёному, / Как ко этому столбу да ко точёному / И принаехали **россказы**-сваты большии...» [Барсов, т. 2, с. 278]. Составители «Словаря русских народных говоров» определяют семантику термина следующим образом: ‘в свадебном обряде — старший (большой) сват, который руководит свадебной церемонией со дня обручения до конца свадьбы’, ссылаясь только на олонечские материалы О. Х. Агреновой-Славянской, работавшей все с той же главной информанткой Барсова — И. А. Федосовой: «По правую его руку сядет родитель-батюшка, а около него родитель-матушка; по левую — россказ — большой сват» [СРНГ, вып. 35, с. 192]. Судя по данным СРНГ, в других говорах лексема не встречается; не включена она и в словники диалектных

лексикографических изданий, посвященных Русскому Северу. Следовательно, неизвестно, существовало ли слово вне идиолекта Федосовой и имело ли оно внефольклорное бытование, но на возможность его системного функционирования указывает продуктивность модели, в рамках которой оно образовано.

В разных славянских языках сваты нередко обозначаются с помощью производных от глаголов говорения — **prosi* (укр. *просатари*, болг. *просетник*, *просец*, серб., черногор. *просац*, *просци*, хорв. *prosci*, *prošci* и др.), **pytati* (словац. *pytač*, пол. *pytok*), **govoriti* (рус. диал. *говорушка*, болг. *уговорник*, *сговорник*, с.-х. *говорник*, словац. *nahvárač* и др.), **mlviti* (чеш. *smluvčí*, пол. *mówca* и др.), **dumati* ‘говорить’ (болг. *думалник*, *предумник* и др.) [Гура, с. 147]. Это вполне объяснимо, учитывая важность красноречия для обсуждаемых участников обряда, ср.: «При выборе свата, будь то родственник, знакомый, сосед или профессионал, особое значение придавали таким качествам, как красноречие (у русских, белорусов, хорватов, поляков Малопольши, центральных и некоторых восточных районов Польши), знание приговоров и прибауток (например, в Вологодской губ.), остроумие и умение веселить (у белорусов Минской губ.), бойкость и удалство (на Рус. Севере, в Калужской губ.)» [Там же, с. 145].

Таким образом, олон. *россказ* удачно вписывается в модель наименования сватов по признаку их многословности, говорливости. Следует, однако, учитывать и еще одну возможность мотивации: *россказом* в плачах называется старший сват — распорядитель свадьбы, участвовавший в переговорах о приданом, проведении свадьбы, руководивший смотрами невесты, передачей подарков, встречей гостей и пр. [Там же, с. 158], а продолжения праслав. **orzkazъ*, **orzszkazъ* имеют семантику приказа, волеизъявления: др.-рус. *расказъ* (*росказъ*) ‘повеление, указание’, укр. *розказ* ‘приказ, приказание, повеление’, блр. *росказ* ‘приказание’, словац. *rozkaz* ‘приказ, поручение’, пол. *rozkaz* ‘приказ, приказание’ и т. д. [ЭССЯ, вып. 36, с. 162–163]. *Росказ*, таким образом, может пониматься и как «говорящий», и как «распоряжающийся».

Примечательно, что этот термин не только имеет ограниченный ареал, но и реализует раритетную для русского языка словообразовательную модель: указание на деятеля здесь не имеет суффиксального оформления. В частности, в гнезде диал. *расказ*- встречаем только одну семантико-словообразовательную параллель: ворон. *расказ-Кузьма* ‘балагур’ (1892) [СРНГ, вып. 34, с. 209]; остальные бессуффиксные элементы этого гнезда имеют семантику объекта (‘молва, толки’, ‘сообщение, история’ и пр.), а указания на субъект «отягощены» разнообразными суффиксами лица (*расказа́(у)тель*, *расказа́ец*, *раска́зник* и др. [Там же]).

Привлекают внимание и другие названия участников свадебного обряда, фигурирующие в «Причитаниях Северного края».

▪ «У дверей стоят придвернички, / У ворот да приворотнички, / По дорожке — **стерезжатыи**, / По пути да **бережжатыи**...» [Барсов, т. 1, с. 73]. Синонимия производящих глаголов (*стеречь* и *беречь*), единство словообразовательной модели, в рамках которой образованы лексемы *стерезжатые* и *бережжатые*

(непродуктивный тип отглагольных существительных адъективного склонения с суффиксом *-ат*, ср. общенар. *вожатый, провожатый*), а также синтаксический параллелизм фрагментов текста, в которых фигурируют термины, указывают, что оба они называют одну и ту же свадебную роль. Речь идет о специфическом для Русского Севера участнике обряда — свадебном колдуне, охраняющем свадебную процессию от порчи; как правило, эту функцию выполняет дружка, но в ряде случаев также тысяцкий или сват; кроме того, «существуют и особые свадебные чины со специальной функцией колдуна» [Гура, с. 139]. Среди наименований свадебного колдуна / участника свадьбы, которому делегирована функция охраны от сглаза (они, как правило, мотивационно прозрачны и указывают на сакральные знания и связь с нечистой силой: влг. *вежий*, влг., перм. *волхит*, олон. *ворожец*, влг., перм. *опасной*, з.-сиб. *чертознай* и др. [Там же]), встречаются наиболее близкие к барсовским обозначения — арх. *бережатель* и арх., влг., новг. *сторож* [Там же], ср. еще арх. *прятальщик* ‘свадебный колдун’ [КСГРС] (от *прятать* в знач. ‘охранять, защищать, спасать’, о семантическом параллелизме продолжений **horniti*, **bergt'i* и **preṭati* см. [Толстая, 2009]). Интересно, что причетные формы *стережатый* и *бережатый* не попали в объемный компендиум названий свадебных чинов, который составил А. В. Гура [2012], и плохо обработаны в СРНГ: статья «Бережатый» содержит расплывчатую дефиницию ‘один из участников свадьбы’ (со ссылкой на материалы Наумова, 1874 г., без приведения барсовского контекста) [СРНГ, вып. 2, с. 274]; слово *стережатые*, документируемое только данными Барсова, определения лишено [СРНГ, вып. 41, с. 149]. В «северных» диалектных словарях этих фактов нет, хотя их системно-языковой статус не вызывает сомнения.

▪ «И еще вас, милых спорядных суседушек, / И я по поздому прошу да всё по вечерку / И в возникки ж прошу, невольна, в **перезовнички**, / И проводить меня на чужу на сторонушку...» [Барсов, т. 2, с. 434]. Этот термин, апеллирующий к обычаю поочередного гощения участников свадьбы в доме жениха и невесты (ср. среди многочисленных названий этого обычая слова с приставками *от-* и *пере-*: олон. *отворотинный стол*, влг., дон. *отвод*, с.-прикам. *отхлебины*, влг. *отгостки*, костр. *перепой*, влг., моск., смол. *перегостки* и мн. др. [Гура, с. 535]), интересен с точки зрения лингвогеографии. По наблюдениям А. В. Гуры, «распространение названия послесвадебных визитов *перезва, перезов* и т. п. охватывает Минскую, Могилевскую обл. и восточное (гомельское) Полесье Белоруссии, а также Луганскую, Полтавскую, Киевскую, Черниговскую, Винницкую, Ровенскую и Волинскую обл. Украины» [Там же, с. 778]. В «Словаре русских народных говоров» приводится лексема *перезов* ‘переезд невесты в дом жениха (в субботу)’ [СРНГ, вып. 26, с. 110], очевидно, напрямую заимствованная в русские говоры из белорусского языка (она записана в Виленской губ. в 1869 г.). Однако материалы Барсова позволяют расширить ареал этого термина — включив в него Олонецкую губернию, для диалектов которой непосредственное заимствование из русских говоров юго-западной зоны или из белорусского и украинского языков маловероятно. Причетная фиксация Барсова подкрепляется свидетельством

О. Х. Агреновой-Славянской (тот же регион): «Отец же жениха <...> везет в невестин дом кошевое <...> угощать невестину породу, называемую перезовниками», где *перезовники* — ‘мужчины — родственники невесты’ [СРНГ, вып. 26, с. 110].

▪ «*И снарядили ж мне, невольнице, / И мне любимых **правоплечничек**, / И вы за сине за Онегушко...*» [Барсов, т. 2, с. 424]. В «северных» словарях лексема не встречается, а в «Словаре русских народных говоров» *правоплечничек* атрибутируется только данными О. Х. Агреновой-Славянской (записанными, вероятно, от Федосовой): «Ты послушай-ко, родимая моя матушка, Мне-ко дай да ты любимых правоплечников» и определяется как ‘помощник, правая рука’ [СРНГ, вып. 31, с. 60]. Налицо две ошибки. Первая — восстановленная форма ед. ч. им. п.: заглавное слово статьи *правоплечничек* явно не имеет отношения к *правоплечникам* из контекста; оно может быть выведено из барсовского стиха, но в другом роде — *правоплечничка*. Дело в том, что во всех случаях, когда лексема появляется в причитаниях, она употребляется во мн. ч. и называет девушек — подруг невесты, ср. только один пример: «*И снарядите-тко, желанны свет-родители, / И вы сердечных любимых **правоплечничек**, / И шобы съиздили **души да красны девушки** / И всё ко славному оны да к океян-морю...*» [Барсов, т. 2, с. 423]. Во-вторых, речь здесь, конечно, должна идти не о социальном, а о специфически свадебном значении: *правоплечничка* нужно понимать как вариант термина *праворучница*, *праворушница*, *праворучица* ‘подруга невесты, сидящая во время свадьбы справа от нее’ (арх., беломор., влг., затем свердл., краснояр., Бурят. АССР) [СРНГ, вып. 31, с. 60; СВГ, вып. 8, с. 31], ср. также арх. *леворучница* ‘в свадебном обряде — подруга невесты, сидящая по левую руку от нее (в отличие от сидящей справа более близкой подруги невесты — праворучницы)’ [СРНГ, вып. 16, с. 308], ср. также арх. *левая* и *правая ручница* ‘ближайшие подруги невесты’ [Гура, с. 710]. Согласно комментариям Б. Е. и К. В. Чистовых к переизданию «Причитаний Северного края», «*правоплечница* назначалась в Кузаранде из девушек-родственниц со стороны отца, а *левоплечница* из девушек-родственниц со стороны матери» [Барсов, т. 2, с. 591]. Отсюда становится ясно, что номинации отражают не только пространственное отношение невесты и ее подруги, но и реализуют традиционную символическую оппозицию «правый — левый» = «мужской — женский». В интересующих нас архангельских говорах зафиксирована еще одна параллель в семейной терминологии: *леворучница* ‘крестовая сестра по крестной матери (в отличие от праворучицы — сестры по крестному отцу)’ [СРНГ, вып. 16, с. 308]. Что касается вербального кода свадьбы, то эта оппозиция воплощается также в южнославянском ареале: «В северо-западной Болгарии и в Сербии дружка жениха и дружка невесты различаются как “левый” и “правый”: врачан. *лев девер* и *десен девер*; з.-серб. приепол. *леви ђевер* и *десни ђевер*» [Гура, с. 128].

Свадебные термины, встречающиеся в «Причитаниях Северного края» и нуждающиеся в комментировании, не ограничиваются названиями, реализующими персонажный код.

▪ Так, интересен глагол *верстать* ‘отдавать замуж; женить’ [СРНГ, вып. 4, с. 148], известный в говорах Олонецкой губернии и Вологодчины и возникающий

в причети в контекстах такого рода: «*Приходил ли к тебе батюшко, / Спросился ли он, доложился ли / Меня **верстать** во чужи люди...*» [Барсов, т. 1, с. 75]. А. В. Гура полагает, что в основе этой номинации лежит релевантная для символического языка свадьбы идея витья, кручения: «*верстать(ся)* (этимологически родственно *вертеть*)» приводится им в одном ряду с с.-в.-р. *окручать(ся)* 'то же' [Гура, с. 706]. С такой мотивировкой хочется поспорить. Учитывая общеславянский характер слова **vьrsta*, развитость системы его значений (в том числе абстрактных: 'линия', 'пара, двоица, чета, ряд', 'род, сорт', 'возраст', 'слой' [Аникин, вып. 6, с. 322]) и — на фоне последней — раритетность первоначальной семантики 'оборот, поворот плуга', связывающей **vьrsta* с **vьrtěti* (ср.: «Отрыв слова **vьrsta* от сферы земледелия, по-видимому, произошел очень рано» [Там же]), возводить *верстать* 'отдавать замуж, женить' напрямую к *вертеть* нельзя. А. Е. Аникин [Там же] предлагает связывать *верстать* сразу с *верста* (вероятно, имея в виду значение 'пара, двоица, чета, ряд', 'род, сорт') — и с этим можно согласиться (тогда 'выдавать замуж, женить' = 'сравнивать, применять одно к другому', 'сравнивать, сопоставлять, уравнивать', ср. *сверстник*, диал. *верстак* 'сверстник', *верста* 'ровня, пара кому-либо' [СРНГ, вып. 4, с. 148]). Не исключена, однако, и еще одна мотивационная возможность: *верстать* 'выдавать замуж' < *верстать* 'менять, променивать одно на другое' (без указ. м., Даль) [Там же] — и тогда в слове воплощается важная для славян идея брака как обмена, купли-продажи, которая активно реализуется в акциональном (обычаи взаимного одаривания сторон на свадьбе, выкупа невесты, места за столом, приданого и пр.) и вербальном (приговор при сватовстве: «у вас товар — у нас купец»; свадебная терминология: *продавец* 'брат или другой родственник невесты, передающий сестру жениху', *выкупать невесту*; *брак* (< *брат*), *брать замуж* и *выдавать замуж* и т. д.) кодах свадьбы [подробно см.: Гура, с. 649–651].

■ Примечательно также словосочетание *кайётная неделька*, употребляющееся в сговорном плаче — от лица невесты, сожалеющей, что ее поспешно выдают замуж за нелюбимого: «*И вы послушайте, желанныи родители! / Уж вы думайте-тко думу, не продумайтесь! / И ваша думушка, родители, часовая, / Моя жирушка, родители, вековая; / **Кайётная неделька** в году сбудется, / Поворотного часочку не бывает!*» [Барсов, т. 2, с. 279]. Вероятно, словосочетание не просто называет момент раскаяния, который ожидает родителей девушки (ср. олон. *каётный* 'раскаивающийся, сожалеющий о сделанном' [СРНГ, вып. 12, с. 304]), но является вариацией календарного обрядового термина, записанного в Ярославской губернии (Пошехонье, 1906–1907): *месяц-кай* 'первые месяцы после свадьбы, когда молодые, ввиду обычной здесь поспешности при браке, разочаровываются друг в друге и «каются»' [Там же, с. 323].

Причитания настроены на отражение всех подробностей социального взаимодействия в контексте переходного обряда: в них описываются не только состав семьи, поведение, переживания и позиция всех ее членов по отношению к лиминальному субъекту, не только ритуальные роли участников свадьбы и похорон, но и структура микросоциума(-ов), в котором существуют главные действующие

лица. Так, в рекрутских плачах находим отображение воинской иерархии: начиная с солдат и офицеров и заканчивая царем. В похоронных и солдатских причетах неоднократно упоминаются судей (как представителей «официальной» власти) и служителей церкви (попов, дьячков и др.); в ряде текстов описывается экономическая структура крестьянского социума (староста, десятник etc.) и т. д. Жанр не только разрабатывает представление о «государственном» устройстве и его представителях, но и, что главное, уделяет принципиальное внимание социуму «неофициальному», «бытовому» — «добрым людям» — как нормирующей среде вообще, и в частности — отдельным ее участникам (соседям, односельчанам и т. д.), занимающим определенную позицию (даже полюс оценки — «за» или «против») по отношению к «лирическому герою» плача (лиминальному субъекту — вдове, сироте, рекруту, жене рекрута, невесте). Отсюда огромный корпус наименований людей — с одной стороны, обозначений социальных ролей, имеющих терминологический характер; с другой — характеризующих номинаций, выраженных как существительными, так и прилагательными. Рассмотрим некоторые из них.

▪ «У тебя жена — *нечехушка*, / И всё не белая *рубахушка*!» [Барсов, т. 2, с. 457]. В «Словаре русских народных говоров» лексема документируется только материалами Барсова: *ничёхушка* — «И твоя жена неудальная и ни в чем неразумильная, у тебя жена ничехушка» [СРНГ, вып. 21, с. 247] (истoki ё на месте е, как в оригинале, неясны). Б. Е. и К. В. Чистовы в комментариях к переизданию Барсова выдвигают такую версию относительно происхождения слова: «*нечехушка* — по-видимому, то же, что *ничевуха* — никчемная, неумелая» [Барсов, т. 2, с. 596]. Это предположение верно только по отношению к семантике лексемы, называющей неумелую, неопрятную женщину, и недопустимо для объяснения ее формы: как мена *в//х* (*нечехушка* — *ничевушка* [см.: СРНГ, т. 21, с. 245]), так и эпентеза *х* (*ничевушка* → *ничехушка* [Там же] → *нечехушка*) вряд ли вероятны. Более удачным представляется возведение слова к гнезду **česati*, в котором возможны экспрессивные замены **s* > **х* и вариативность корневого гласного, ср. рус. диал. *чухаться* ‘чесаться’, укр. *чаха́ти* ‘отламывать, отщеплять’, *чухати* ‘чесать’, блр. *чўхаць* ‘чесать (тело)’, диал. *чóхаць* ‘чистить молодой картофель’, с.-х. *čèhati* ‘отламывать’, словен. *čéhati*, *čóhati* ‘чесать, скрести’, диал. *čúhati* ‘тереть, гладить’, чеш. диал. *čohati* ‘идти большими шагами’, *čochat* ‘лезть вверх’, *čehat* ‘спешить, торопиться’, словац. *čuchac* ‘тереть, гладить’ [ЭССЯ, вып. 4, с. 85–86]. С семантической точки зрения версия тоже проблематична: продолжения **česati* имеют две генеральные смысловые линии: ‘чесать’ и (вторично) ‘бежать, спешить’ [Там же], объединяющиеся семой «совершать активное действие». Последняя доминирует, например, в арх. *чэхор* ‘забияка, драчун’, *чэхорной* ‘задорный, драчливый’ (< **čexrō* < **čexrati* / **česrati* < **česati*) [Там же, с. 33]².

² Представляется, что к продолжениям **česati* можно отнести также калуж. *нечёх* ‘нездоровье’ [СРНГ, вып. 21, с. 207], которое может пониматься как «состояние, когда невозможна физическая активность; слабость, разбитость».

Нечехушка ‘неряха, неумелая’ может восходить к **česati* как в первом, так и во втором значении и прочитываться, соответственно, как «та, которая не причесана» (ср. курск., пск., тамб., яросл. *нечёса* ‘человек, не причесывающий своей головы’ [СРНГ, вып. 21, с. 206]) или как «та, которая не совершает активных действий» (ср. простореч. *чесаться* ‘быть активным, быть готовым к действиям’: *Пора ехать, а он еще и не чешется; Ты и не почесался мне помочь* и т. п.).

▪ «Твоя пришла да дочка милая / Со голубушкам милым сестрам, / Со подруженькам **задумным!**» [Барсов, т. 1, с. 75], где *задумный* (только барсовские данные) — ‘задушевный, заветный’ [СРНГ, вып. 10, с. 71]. Судя по всему, эпитет относится к старому значению слова *дума*, тому же, которое породило названия государственных органов, — ‘совет, совещание’ (с XI в.), ср. еще близкое к нему значение ‘единомышленники’ (с XII в.) [Срезневский, т. 1, с. 742; СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 373]. Следуя предложенной логике, *задумные подруженьки* — то же, что *советные*: единомышленницы, советчицы. Идеограмма «советчик, советчица» вообще разработана подробно, особенно в языке фольклора, и нередко ее реализуют именно производные слова *дума* ‘совет, совещание’ (ср. фольк. олон. (Гильфердинг) *дума крепкая* ‘совет, совещание’: «Ай он пошел ли тут ко князю Владимиру.. Ай на совет пошел, думы, крепкие» [СРНГ, вып. 8, с. 255]), см. следующие факты: фольк. смол. *дум* ‘советник при лице высокого положения’, фольк. олон. (Агренева-Славянская) *думетичка* ‘советчица’: «И мне-ко лавочка-голубушка ведь не думетичка, И коробеечка ведь мне-то не советничка», фольк. олон. (Гильфердинг) *думщик* ‘о том, кто помогает думать; советчик’, фольк. олон. *думщица* ‘советчица’: «Мне-ка женушка не думщица» [Там же, с. 255–257], а также др.-рус. *думець* ‘советник’ (1185), *думца* ‘советчик’ (XIII в.), ст.-рус. *думчий* ‘советник’ (1582), *думщикъ* ‘советник’ (1575) и особенно важное для нас прилагательное (в ряде случаев употребляется в знач. сущ.) — ст.-рус. *думный* ‘входящий в состав совета, княжеской или царской думы’ (XVI–XVII вв.) [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 4, с. 374–375].

▪ В заключение хотелось бы остановиться на слове, находящемся на границе двух лексико-семантических сфер — половозрастной терминологии и аксиологической (характеризующей) лексики: «Он предоброй был отец да поп духовной: / Што случится ли при трудной постелюшке, / Аль тяжелая родимица объявится, / Хоть там пошлют недоростка невеликого, / Среди да этой темной пошлют ноченьки, / Беспокоят хоть попа-отца духовного; / <...> Приезжает он, священник, среди ночи, / Говорит этот священник потихошеньку, / Оттирает он книгу пологошеньку; / Буде малой тут **благоденец** тяжелёшенек, / Проведет да он в веру во крещенскую, / Во крещенскую он веру — христианскую...» [Барсов, т. 1, с. 241–242]. Авторы «Словаря русских народных говоров» не смогли сформулировать значение этого барсовского гапакса [СРНГ, вып. 2, с. 306], хотя контекстный анализ позволяет это сделать: в приведенном фрагменте текста речь идет о тяжелых родах и слабом, умирающем новорожденном, которого посреди ночи приезжает крестить священник (очевидно, чтобы избежать особенно нежелательной «некрещеной смерти»). Слово *благоденец*, таким образом,

называет младенца и обладает синкретичной сущностью: является одновременно благопожеланием («благоденствующий») и табу-словом, призванным замаскировать реальное положение дел (вероятную скорую смерть новорожденного). Что касается словообразовательной структуры обсуждаемого лексического факта, то это, возможно, результат контаминации: *благо(действие) + младенец*; возможности такого сложения способствует не только высокая активность форманта *благо-* в образовании составных наименований (и в общенародном языке, и в говорах), но и типичная мена губных *б//м*, в частности, в словах с корнем *млад-*, ср. *бладой*, *бладенец* и т. п.

В статье мы проанализировали только малую толику языковых раритетов, содержащихся в сборнике Е. В. Барсова, — и даже малую часть одной лишь социальной лексики, фигурирующей в «Причитаниях Северного края». Для ряда рассматриваемых фактов с опорой на их языковой облик, значение, а также на системные параллели оказалось возможным предложить новые этимологические и семанτικο-мотивационные решения (*нешутка* ‘сноха; невестка’, *нечехушка* ‘неряха, неумеха’, *верстать* ‘отдавать замуж; женить’, *россказ* ‘старший (большой) сват’, *кайётная неделька* ‘период после свадьбы, когда молодые разочаровываются друг в друге и «каются»’). Некоторые слова, включенные в лингвистический оборот, могут использоваться для уточнения ареала языковых моделей, которые они реализуют (*перезовнички* ‘мужчины — родственники невесты’, *стережатый*, *бережатый* ‘свадебный колдун, охраняющий свадебную процессию от порчи’, *кайётная неделька*). Семантическая архаичность большинства из этих лексем не вызывает сомнений. Смеем надеяться, что приведенный разбор отдельных фактов продемонстрирует читателю сложность и многогранность материала, подтвердит значимость его интерпретации и поспособствует выработке механизма собственно лингвистического анализа, пригодного не только для «точной» работы со словами, но и для исследования больших корпусов данных, содержащихся в фольклорных текстах.

Сокращения

В названиях языков и диалектов

арх. — архангельские говоры русского языка	др.-рус. — древнерусский язык
беломор. — беломорские говоры русского языка	з.-брян. — западнобрянские говоры русского языка
блр. — белорусский язык	з.-серб. — западносербские говоры
болг. — болгарский язык	з.-сиб. — западносибирские говоры русского языка
влад. — владимирские говоры русского языка	калуж. — калужские говоры русского языка
влг. — вологодские говоры русского языка	костр. — костромские говоры русского языка
ворон. — воронежские говоры русского языка	краснояр. — красноярские говоры русского языка
врачан. — врачанские говоры болгарского языка	курс. — курские говоры русского языка
дон. — донские говоры русского языка	

моск. — московские говоры русского языка	с.-х. — сербохорватский язык
новг. — новгородские говоры русского языка	свердл. — свердловские говоры русского языка
олон. — олонекские говоры русского языка	сев. — русские говоры севера России
онеж. — онежские говоры русского языка	серб. — сербский язык
оренб. — оренбургские говоры русского языка	словац. — словацкий язык
пенз. — пензенские говоры русского языка	словен. — словенский язык
перм. — пермские говоры русского языка	смол. — смоленские говоры русского языка
пол. — польский язык	тамб. — тамбовские говоры русского языка
праслав. — праславянский язык	укр. — украинский язык
приепол. — приепольские говоры сербского языка	урал. — уральские говоры русского языка
пск. — псковские говоры русского языка	хорв. — хорватский язык
рус. — русский язык	черногор. — черногорский язык
с.-в.-р. — северновеликорусские говоры	чеш. — чешский язык
с.-прикам. — русские говоры Северного Прикамья	юж. — русские говоры юга России
Прочее	яросл. — ярославские говоры русского языка
диал. — диалектное	общеслав. — общеславянское
диал. шир. распр. — диалектное широкого распространения	простореч. — просторечное
жен. — женский род	ст.-рус. — старорусское
знач. — значение	суф. — суффикс
общенар. — общенародное	сущ. — существительное
	фольк. — фольклорное

Источники

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007–. Вып. 1–.

Барсов — Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым : в 2 т. Т. 1 : Плачи похоронные, надгробные и надмогильные ; Т. 2 : Рекрутские и солдатские причитанья. Свадебные причитанья / изд. подгот. Б. Е. Чистова, К. В. Чистов. СПб. : Наука, 1997.

Библиография работ по русским похоронным причитаниям (1800–1855; 1881–1985; 1991–2010) [Электронный ресурс] / сост. М. Алексеевский. URL: <http://mdalekseevsky.narod.ru/biblio-prichit.html> (дата обращения: 04.05.2019).

КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

СВГ — Словарь вологодских говоров : в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда : Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов и др. М. : Наука, 1975–. Вып. 1–.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей : в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1994–2005.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка : в 2 т. 3-е изд., стер. М. : Рус. яз., 1999.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. М. : Наука, 1974–. Вып. 1–.

Исследования

Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М. : Индрик, 2012.

Сурикова О. Д. К изучению архаичной лексики в «Причитаниях Северного края» Е. В. Барсова // Вестн. Перм. ун-та. Рос. и заруб. филология. 2017. Т. 9. Вып. 4. С. 73–82.

Толстая С. М. 'Кормить' и 'хоронить' (к семантической реконструкции славянской погребальной лексики) // *Studia etymologica Brunensia*. 6. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 2008 / eds. I. Janyšková, H. Karlíková. Praha : Lidové noviny, 2009. S. 341–355.

Толстая С. М. Заметки о языке севернорусских причитаний // *Язык и прошлое народа : сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева* / отв. ред. М. Э. Рут. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 464–475.

References

Gura, A. V. (2012). *Brak i svad'ba v slavianskoi narodnoi kul'ture: Semantika i simvolika* [Marriage and Wedding in Popular Slavic Culture: Semantics and Symbols]. Moscow: Indrik. (In Russian)

Surikova, O. D. (2017). K izucheniiu arkhainoi leksiki v "Prichitaniakh Severnogo kraia" E. V. Barsova [Notes about Archaic Vocabulary in *Northern Lamentations* by E. V. Barsov]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, 9, 4, 73–82. (In Russian)

Tolstaya, S. M. (2009). 'Kormit' i 'khoronit' (k semanticheskoi rekonstruktsii slavianskoi pogrebal'noi leksiki) ['Кормить' and 'хоронить': On the Semantic Reconstruction of Slavic Vocabulary of Burial]. In I. Janyšková, & H. Karlíková (Eds.), *Studia etymologica Brunensia*. 6. Sborník příspěvků z mezinárodní vědecké konference Etymologické symposion Brno 2008 [Studia etymologica Brunensia. 6. Collection of Articles of Etymological Symposium in Brno, 2008] (pp. 341–355). Praha: Lidové noviny. (In Russian)

Tolstaya, S. M. (2012). Zametki o iazyke severnoruskikh prichitanii [Some Notes about Russian Northern Lamentations]. In M. E. Rut (Ed.), *Iazyk i proshloe naroda: sb. nauch. st. pamiati prof. A. K. Matveeva* [People's Past and Language. A Collection of Articles in Memory of Prof. A. K. Matveyev] (pp. 464–475). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Сурикова Олеся Дмитриевна

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
топонимической лаборатории
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: surok62@mail.ru

Surikova, Olesya Dmitrievna

PhD (Philology), Senior Researcher
Toponymic Laboratory,
Department of the Russian Language, General
Linguistics, and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: surok62@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9526-7853
Scopus ID: 57192075045